

наследие:
рассказ

66

*Юрий
Белостоцкий*

1921–1983

ОТВАГА

АЛЕКСЕЙ Анохин только что проснулся. По обыкновению, выйдя из землянки, чтобы размять кости, как в шутку говорили о нём лётчики, он с удивлением заметил, что вчерашняя метель утихла. О ней напоминали лишь высокие сугробы да переметённые тропинки, уходившие на аэродром, к самолётам. Сугробы с их зализанными ветром гребнями походили на вздыбившиеся волны, которые, так и не успев рухнуть в пучину, вдруг застыли, накрепко скованные неожиданно ударившим морозом.

Свежий волчий след – эти глубокие, осыпавшиеся по краям вмятины Анохин увидел сразу – почти вплотную подходил к низкому, в две ступеньки, крыльцу землянки, затем, ненадолго пропав за одним из сугробов, снова поворачивал назад, на этот раз уже к крохотному оконцу, весело глядевшему на мир морозной росписью неведомого цветка.

– Н-да, поздновато я вышел, жаль, – невольно понизив голос до шёпота, точно зверь всё ещё рыскал где-то по-

близости, проговорил Анохин и присел на корточки, чтобы получше разглядеть след.

– Видать, матёрый, тяжело шёл, – всё так же шёпотом добавил он, зябко поводя плечами.

Потом встал, настороженно огляделся по сторонам, прислушался.

Кругом было тихо, спокойно. Даже вечно ворчливый, всегда на что-то жалующийся тёмный лес, окружавший землянки лётчиков, на этот раз не шумел. Густо окутанный туманом, он стоял молчаливо, не шелохнувшись, покорно опустив свои отяжелевшие от снега ветви, точно навсегда смиренный непогодой, наконец-то признавший над собой её власть, хотя ещё накануне он сопротивлялся ей, смело принимал на свою грудь один могучий удар за другим. Покорным, безмятежным было и небо. Скидывая тёмный полог ночи, оно заметно бледнело, набирало голубизну, новые, уже дневные краски. Слабый ветерок неторопливо сгонял с него редкие, сиротливые облака, меж которыми кое-где ещё тускло мерцали одинокие звёзды.

Повсюду, куда ни кинь, аэродром окружали похожие друг на друга холмы и сопки, наполовину поросшие чахлыми карельскими берёзками и кустарником, и лишь за лётным полем, там, где сейчас, скованная льдом, до поры до времени дремала река, маячили высокие стройные сосны да тройка тополей-великанов. Вот, гася в небе звёзды, из-за дальней кособокой сопки показалась горбушка зари. Она робко и несмело позолотила верхушки деревьев, заиграла на стёклах окон в землянках, кинула щедрую россыпь багрянца на бесконечные снега.

Анохин, не переставая любоваться игрой её красок, принялся торопливо утаптывать вокруг себя снег. Светлые густые волосы его небрежно спадали на крутой, упрямый лоб и озорные, ещё совсем мальчишечьи глаза. Атлетическая грудь (он был голый до пояса), крепкие мускулистые руки, бронзовое, сохранив-

шее загар тело выдавали в нём хорошо натренированного спортсмена.

Сделав себе нечто вроде площадки, Анохин выбросил одну руку вперёд, за ней, чуть быстрее, другую. Повторяя, он ускорял темп. Это был «бокс», его любимое упражнение, входившее в комплекс ежедневной утренней зарядки. Заядлый спортсмен, страстный поклонник ринга, Анохин скоро вошёл в азарт и через минуту уже так неистово молотил руками воздух, словно перед ним был опасный и сильный противник. Вот он, отражая мнимую атаку, быстро отскочил в сторону, мгновение – и с новой силой ринулся вперёд, градом ударов осыпая воображаемого врага. Глаза его разгорелись, лицо стало красным, от спины и шеи уже валил пар, а он, казалось, позабыв обо всём на свете, продолжал атаковать кого-то.

Вдруг большой, плотный ком снега ударил ему в спину. Анохин с недоумением обернулся.

– Чемпиону карельских лесов! – услышал он в тот же миг чей-то насмешливый голос.

– А-а! Так это ты!

Алексей узнал начальника метеорологической станции, немолодого, добродушного и весёлого старшего лейтенанта Бахметьева. Уважая Анохина и хорошо зная его страсть к боксу, Бахметьев, слывший остряком, не упускал случая подшутить над ним. Так было и сейчас.

Но лётчик, сорвавшись с места, сам бросился к нему. Стараясь увернуться, метеоролог отскочил в сторону, но не рассчитал. Неуклюже взмахнув руками, он по-смешному плюхнулся в сугроб. И не успел опомниться, как на нём уже верхом сидел Анохин.

– Так, так, хорошо! – не давая ему подняться, хохотал лётчик. – Это вместо физзарядки тебе. Размять косточки-то надо. Полезно-о-о! – И его громкий, раскатистый смех далеко раздавался вокруг, пробуждая всё ещё дремавшие окрестности.

– Отстань! Пусти, дьявол! – беззлобно ругался Бахметьев.

— Моли погоду — отпущу! — подтрунивал над ним Анохин. — Даёшь «лётную», а не то... — И он ещё сильнее вдавил его в сугроб.

— Даю, даю. «Лётную» даю, — поспешно согласился тот, словно погода и впрямь зависела от него.

— Ну, то-то...

— Вот, дьявол, задушил прямо, — отфыркиваясь от набившегося в рот и нос снега, продолжал незлобиво ворчать «метеобог», как в шутку называли на аэродроме Бахметьева. — А силища-то, сила... — и вдруг притворно строго набросился на Анохина. — Иди, боксёр, соберись, на самом деле лётная сегодня.

— Правда? — обрадовался тот. — Значит, летим? Ну-ну, бегу, Павлуша, торплюсь! — И он, хлопнув его по плечу, вприпрыжку побежал в землянку.

В дверях чуть не сшиб с ног своего воздушного стрелка, сержанта Казакова. Тот без рубахи, с полотенцем через плечо, выходил умыться.

— Собирайся, Сашок, летим сегодня! — радостно крикнул он ему. — Не мешай! — и скрылся за дверью.

Казаков укоризненно покачал головой, потирая ушибленное место. Был он невысокого роста, черноват, с узким, почти девичьим лицом, на котором от шеи до подбородка багровел шрам.

«Ишь, как его распалило», — подумал он про своего командира и улыбнулся.

По прибытии на фронт, в полк, Александр Казаков в первый же день был зачислен в экипаж лейтенанта Анохина. Вскоре они стали друзьями и с тех пор не расставались. Анохин, по натуре кипучий и деятельный, полюбил своего стрелка за спокойный, хладнокровный характер. Упорный и трудолюбивый Казаков с одинаковым усердием принимался за всякое порученное ему дело. Скромный, страшно робевший перед девушками, он был, однако, одним из храбрейших воздушных стрелков в эскадрилье. Казаков имел на своём счету уже четыре сбитых фашистских самолёта.

Наскоро умывшись снегом, он вернулся в землянку. Анохин был уже одет. Сыпя остроты и прибаутки, он безжалостно стаскивал с постелей любителей протянуть лишнюю минутку под одеялом.

— Пора, красавица, проснись! Открой сомкнуты негой взоры... — кричал он на ухо то одному, то другому и добавлял: — Летим, товарищи, летим.

Анохин всегда с нетерпением ожидал лётной погоды, которая, по правде говоря, была редким гостем в Заполярье. Зимой при частых северных выюгах бывали недели, когда полк не делал ни одного боевого вылета. В такие дни беспокойный лётчик часто забегал на метеостанцию к Бахметьеву и, если тот не обещал «порядочной» погоды, понурив голову, опечаленный, возвращался к себе в землянку.

Но когда тучи рассеивались, небо прояснялось, он, забыв о несправедливостях и каверзах природы, получив задание, снова весёлый и радостный, спешил на аэродром, к самолёту.

Так было и на этот раз. Быстро позавтракав, причём не забыв попросить добавочной порции жареных макарон, до которых был большой охотник, Анохин в составе эскадрильи поднялся в воздух и, сделав круг над аэродромом, взял курс на запад.

2

Штурмовка была ожесточённой. «Обрабатывая» крупную железнодорожную станцию, эскадрилья делала уже шестой заход. Взрывы бомб сотрясали воздух. Фонтаны перемешанного с землёй снега вихрем взмётывались в небо и медленно оседали на землю. Горели вагоны, паровоз, склады. Рвались цистерны, облака горящей нефти окутывали станцию. Густой чёрный дым расплзался вокруг. Где-то растерянно и беспорядочно таяли немецкие зенитки.

А штурмовики, быстро перестраиваясь, снова и снова заходили для атаки.

Но вот командир, выйдя из боя, качнул крыльями и повернул обратно. За ним, словно гусиная стая, потянулась вся эскадрилья.

Анохин, выпустив последний заряд из пушек и отметив, что на путях вспыхнули цистерны, круто взял вверх. Эскадрилья была уже далеко. Он прибавил газ. Мотор взревел, и стрелка указателя скорости неудержимо поползла по шкале вправо.

Вдруг огненная трасса откуда-то сбоку ударила в самолёт. И словно в ответ ей отчаянно застрочил пулемёт стрелка.

«Мессера!» — мелькнуло в голове лётчика.

— Фашисты! — тотчас же подтвердил и Казаков, не отрывая пальцев от спускового крючка пулемёта.

Анохин глянул вправо. Наперерез шла пара «мессершмиттов». Коричневая окраска, острые носы, будто обрубленные концы крыльев, делали их похожими на каких-то воздушных хищников. Не будь их, каким бы светлым, тихим и ласковым казалось это безоблачное голубое небо.

Вот первый из «мессершмиттов» сделал «горку» и снова послал в штурмовика длинную пулемётную очередь. Но, крепко сжимая штурвал, Анохин в то же мгновение резко бросил самолёт вниз, вправо. Трасса осталась позади. Тогда враги повисли сверху и, ошалело шарахаясь из стороны в сторону, чтобы не угодить под выстрелы Казакова, вдруг снова ринулись в атаку.

Клубы ржавого огня охватили правое крыло «пешки». Анохин круто скользнул влево, стараясь сбить пламя, но оно упорно цеплялось за сталь крыла и жадно лизало его. Вскоре пляшущие огненные языки с крыла поползли к кабине.

— Прыгай! — крикнул тогда он стрелку.

В тот же момент огонь перебросился на мотор. В кабине стало душно. Небольшие струйки коричневого дыма

постепенно наполняли её. Запахло горелой шерстью: это затлеели на ногах унты. Внезапно сдал мотор. Штурмовик, заваливая вправо, посыпался на хвост. Анохин быстро отстегнул привязные ремни, откинул колпак и осмотрелся. Казакова в кабине уже не было. Тогда он приподнялся на руках и, с силой оттолкнувшись от сиденья, выбросился из самолёта.

Помедлив, дёрнул за кольцо.

Толчок.

Над ним, словно огромный белый гриб, неслышно плескался шёлковый купол парашюта. В ясном небе нестерпимо сверкало зимнее солнце. Анохин зажмурил глаза. Через секунду открыл снова, поглядел вниз. Первое, что он увидел, был его собственный унт. Раскачиваясь, унт еле держался на ноге, свисая, грозя вот-вот сорваться.

«Хорошо ещё, что совсем не слетел», — подумал он и, быстро дотянувшись до унта, закрепил его на ноге.

И невольно снова перевёл взгляд на землю. Там, на тёмно-синем фоне леса, белели небольшие озёрки и болота, замысловато петляли, точно хороня свои следы, замёрзшие ручейки и речки. Их было много, и поэтому с высоты казалось, что землю кто-то специально исполосовал тупым ножом вкривь и вкось. Линия фронта проходила южнее этих озёр и речек, и она скорее угадывалась, чем виднелась: далёкий горизонт плотно закрывала синеватая снежная мгла.

Вдруг чуткий слух Анохина уловил отдалённый, вместе с тем нарастающий гул моторов, который быстро приближался. Несомненно — в воздухе были самолёты. Но чьи?.. Свои или чужие?.. Лётчик повернул голову — и холодок ручейком пробежал по его спине.

Прямо на него шёл «мессершмитт». Блеснув на солнце чёрными крестами, он устремился вниз.

Анохин знал, что гитлеровцы безжалостно расстреливают выбросившихся на парашютах лётчиков, крылами самолётов обрезают стропы, поджигают су-

хия, как порох, купола. Такая же участь ждала и его.

«Ну нет, подлюги! — он выхватил пистолет. — Уж лучше сам».

Но что же это?.. «Мессершмитт», приблизившись почти на выстрел, вдруг круто, боевым разворотом отвалил в сторону. В тот же момент вспыхнул факелом и, неуклюже перевалившись с крыла на крыло, камнем рухнул вниз, оставляя за собой густой след чёрного дыма.

«Что за чертовщина? Уж не мерещится ли?» — едва успел подумать Анохин и только сейчас заметил четвёрку наших «яков», которая внезапно появилась в то роковое мгновение и сбила фашиста.

— Спасен!..

3

Анохин приземлился на небольшой прямоугольной поляне, окружённой низкими карельскими берёзками и корявым кустарником. Отстегнув подвесную систему, он быстро закопал парашют в снег. Затем, опасливо озираясь по сторонам, торопливо вбежал в лес.

Где Казаков? Что с ним?

Станция, которую штурмовала эскадрилья, была в десяти — двенадцати километрах отсюда. Казаков, выпрыгнувший из самолёта первым, должен быть где-то здесь, недалеко, самое большее в полутора-двух километрах, если, конечно, не попал в лапы к гитлеровцам.

Чтобы найти его, придётся идти обратно, дальше в тыл противника, когда дорога каждая минута, дорог каждый пройденный шаг. Но Анохин об этом и не думал. То, что Казаков, быть может, попал в беду, нуждается в помощи, в поддержке, больше всего волновало его, и он, не раздумывая, повернул обратно. Да и как могло быть иначе? Ведь не мог же он бросить товарища.

— Только бы найти его, не разойтись, — твердил он упрямо.

Анохин запомнил, что Казаков выпрыгнул из самолёта возле небольшого круглого озера. Ветра почти не было, и отнести в сторону стрелка не могло. Отыскать это озеро было не так трудно, хотя глубокий и рыхлый снег, в который Анохин то и дело проваливался, не давал идти быстро. А нужно было спешить: зимний день короток, темнота наступает быстро.

Шагая вперёд, левой рукой он раздвигал ветки деревьев и кустарника, правая, сжимавшая рукоятку пистолета, была в кармане. Избегая полян и перелесков, он осторожно оглядывался, прислушиваясь к малейшему шороху. Крутые овраги и лощины обходил стороной. Иногда, по пояс увязая в снегу, он падал, снова вставал, с трудом выбирался из ям и воронок, которые встречались почти на каждом шагу.

Когда-то здесь была линия фронта. Об этом говорил вытянувшийся длинной грядой чёрный горелый лес, многочисленные надолбы и рогатки, разрушенные и обвалившиеся траншеи. Толстый слой снега покрывал эту обезображенную войной землю.

Внимательно оглядываясь по сторонам, Анохин вдруг заметил какое-то серое пятно, слабо выделявшееся на снегу.

«Что бы это могло быть?» — подумал он и взвёл курок пистолета.

Подойдя ближе, он чуть не вскрикнул от радости.

— Ведь это парашют Казакова.

Действительно, это был парашют. Но то, что затем увидел Анохин, заставило его побледнеть. Рядом с парашютом валялись окровавленные куски шёлка, обрывки строп, обёрточная бумага санпакета, разбитые лётные очки. Снег был примят и утоптан.

— Та-ак, — внутренне похолодев, медленно проговорил лётчик и вдруг, словно подстёгнутый кем-то, позабыв о всякой осторожности, бросился туда, куда уходили ещё совсем свежие следы Казакова. А следы говорили о многом, и это многое болью отдавалось в сердце пилота.

Вот здесь Казаков упал, здесьправлял повязку, смачивая рану снегом, и неверными мелкими шагами шёл дальше. Здесь снова упал. Хватаясь за молодую берёзку и оставив на её нежно-белой коре отпечатки испачканных кровью пальцев, поднялся и снова побрёл дальше. Наконец следы превратились в сплошную, бесформенную полосу. Несомненно, Казаков полз. Силы, видимо, оставляли его.

Анохин, не замечая хлеставших по лицу веток, цепляясь за пни, натываясь на поваленные бурей деревья, торопливо бежал дальше. Он не заметил, как очутился перед оврагом, и, не удержавшись, скатился туда вниз головой. Анохин быстро встал и отряхнулся.

— Казаков! — вдруг вырвалось у него.

В двух шагах лежал Казаков.

— Саша! Дорогой! Жив?!

Он бросился к стрелку и крепко обнял его. Тот застонал.

— Что, больно? — спохватился Анохин и только сейчас заметил, что Казаков был белее снега, еле дышал.

Вместо шлема на его голове была торопливо накрученная шёлковая повязка — тряпка, отполосованная от парашюта, сквозь которую пятнами просачивалась кровь. Подшлемник, когда-то белый, теперь был красным. Чёрные сгустки запёкшейся крови покрывали шею и подбородок. Из пробитого во многих местах комбинезона кусками торчал рыжеватый мех.

— Саша! — взволнованно заговорил Анохин. — Сашок, дорогой! — И, еле сдерживая ярость, вдруг проговорил сквозь зубы: — Да что же это они с тобой сделали! Вот гады... Ну, погодите ж! — И яростно потряс кулаком.

— Алёша! — пробуя улыбнуться, тихо позвал его Казаков.

Анохин наклонился над ним.

— Алёша, — чуть слышно повторил тот. — Ведь первого «мессершмитта» я сбил... потом прыгнул... и вдруг... у самой земли...

Он не договорил и закрыл глаза.

Но и так всё было ясно. Анохин с

грустью посмотрел на товарища. Затем осторожно, боясь причинить боль, принялся смывать снегом с его лица кровь. Снег быстро таял и небольшими грязно-розовыми струйками стекал по щекам к шее, попадая в рот, в нос, и за воротник. Казаков открыл глаза и слабо улыбнулся.

— Алёша!

Анохин ласково кивнул в ответ.

— У меня в кармане шоколад. Две плитки. Возьми... Пригодится...

Анохин вздрогнул.

— Возьми, возьми, — негромко, но настойчиво повторил тот.

— Э-э, Сашок. Да ты, никак, о смерти думаешь?! — боясь взглянуть в глаза Казакову и еле сдерживая намернувшиеся слёзы, попробовал отшутиться лётчик. — Брось, Сашок. Пустая затея. Вот как махнём с тобой через линию фронта, так ещё и плясать запросишься. А ты?... Эх, ты! — И он протянул к нему руку, чтобы поправить на голове повязку, но тотчас же в ужасе отшатнулся.

Казаков был мёртв.

Внезапно подул холодный порывистый ветер. Тяжёлые тучи заволокли небо. Пошёл крупный, хлопьями, снег. Откуда-то издалека донеслась сухая трескотня пулемётной очереди. Где-то гулко ухнуло оружие. Жалобно застонал лес. Потемнело. Надвигалась долгая северная ночь.

4

Два дня блуждал Анохин в глухом, неприветливом лесу, две ночи подряд он пытался перейти линию фронта, но всё безуспешно. В первую ночь он наткнулся на сторожевое охранение немцев. Часовые открыли стрельбу, поднялась суматоха, но темень и снег, сыпавший крупой, помогли ему скрыться.

В другой раз, когда он, забравшись подальше в лес, отдыхал после долгих ночных блужданий, внезапно появились гитлеровцы. Надеясь взять его живьём,

они осторожно подкрадывались к лётчику. Вдруг первый из них, зацепившись за пень, ткнулся в снег; винтовка выпала из его рук, стукнулась о дерево. Анохин обернулся на звук, увидел немцев и метнулся в сторону. В тот же момент длинная автоматная очередь прорезала тишину. Мимо. Анохин, выхватив пистолет, выстрелил в ближнего. Худой длинный солдат, словно подкошенный, упал. Второй, спрятавшись за деревьями, продолжал стрелять наугад, видимо, зовя на помощь. Анохин, не спуская с него глаз, незаметно отполз в сторону, быстро вскочил на ноги и пустился бежать. Преследовать его немец не решился.

Днём, когда солнце стояло уже высоко, измученный, усталый, уткнувшись лицом в воротник, Анохин дремал под корявой ветвистой сосной неподалёку от крутого, обрывистого берега реки.

В лесу было тихо. Где-то рядом постукивал дятел. Стрекоха без умолку, вокруг кружились сороки. Вот одна из них опустилась на дерево и уставилась на лётчика. Тот не замечал её. Сороку, казалось, это обидело — она перескочила на ветку ниже. С верхушки потревоженного дерева посыпались комья снега.

Анохин вздрогнул и открыл глаза.

«Жильё где-то близко, — вяло подумал он и вдруг насторожился. — Что это? Неужели?...» И сорвал с головы шлемофон.

Из-за реки доносился протяжный гул моторов. Наверняка там был аэродром. Анохин поспешно вытащил из кармана полётную карту. Планшет, мешавший ему, он бросил в первый же день. Неприветливо отыскал нужный лист.

— Ага, вот.

Карту пересекала голубая извилистая нить реки, и там, где она круто забирала на север, стоял знак «Т».

Так ведь это аэродром Буян-озеро.

Анохин удивился, как он раньше не догадался об этом, хотя прекрасно знал о существовании этого полевого аэродрома немцев.

Аэродром! Одно это слово привело лётчика в трепет, заставило тревожно и в то же время радостно забиться сердце.

«Аэродром! — полузакрыв глаза, шепотом проговорил он. — А что если...» — вдруг мелькнула в его голове мысль. Сначала робкая и неопределённая, она постепенно завладела им целиком. Пытливый ум его лихорадочно заработал, одна за одной перед глазами замелькали воображаемые картины, события.

Вот он в лесу. Усталый и одинокий бредёт на восток. Казакова нет. Он один. Враги рыскают по следам. Вот и аэродром. Стоят самолёты, яркие лучи солнца серебрят их крылья. Он — в кабине. Пронзительно гудит мотор. Вот полк. Ребята. Командир. И снова лес, угрюмый, тёмный лес. И он один, один в этом чужом краю. Нет, не один... Там, за линией фронта, таких тысячи. Его ждут. Он нужен. И он придёт. Вернётся.

«Но как? Рискнуть? Попробовать? Хотя нет, не выйдет. Трудно, очень трудно. Даже невозможно. Летом — ещё туда-сюда. А сейчас нет. Только зря время потеряю».

И лётчик устало опустил на снег.

Прошла минута, другая. Из-за реки по-прежнему, то замирая, то вновь нарастая, доносился протяжный гул моторов, бередя, терзая и без того смятённую душу.

Вдруг, будто стряхнув с себя нерешительность, Анохин порывисто встал, даже пистолет из кармана вынул, хотя сейчас он ему был вовсе не нужен. Пистолет тускло блеснул воронёной сталью, холодком обжёг руку.

«Да что я раскис, как баба, — с наслаждением ругнул он себя. — Рисковать, так рисковать».

Глаза его вспыхнули, тонкие брови, изогнувшись, сбегались у переносицы — не разнять.

«Пойду. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. А вообще-то ещё посмотрим кто кого», — хмуро улыбнулся Анохин и, поспешно нахлобучив шлемо-

фон, решительно зашагал туда, откуда всё слышней и слышней доносились сильные и властные, как призыв, звуки.

5

Фашистский аэродром был расположен на берегу небольшой карельской реки. Одним концом он выходил на её обрывистый, поросший лесом берег, другим – южным – упирался в ряд сопкок, казалось, слившихся друг с другом. Густой тёмный лес да чахлый кустарник плотной стеной окружали его со всех сторон. Землянки, занесённые снегом, ютились на южной окраине; там же находились столовая, гараж, мастерские. В центре их размещался штаб, возле которого стояли автомашина, два трактора и прицеп. В стороне, за широкой канавой, несколько землянок было ограждено колючей проволокой. Это были склады с боеприпасами. Двое часовых лениво бродили вокруг них.

Кое-где длинные железные трубы коптили небо, тёмно-бурый едкий дым лениво полз вверх и медленно таял в высоте. По дороге, ведущей на аэродром, одна за другой плелись подводы. Они с трудом переваливались через огромные сугробы, подолгу застревая в них. Кричали ездовые, свирепо нахлёстывая лошадей. Тут же, свалившись набок, торчала застрявшая в снегу автомашина. Напротив, за метеостанцией, темнела свалка разбитых и полусгоревших самолётов. На их фюзеляжах и плоскостях, вперемежку с фашистскими крестами, чернели пробоины. На торчавшем из сугроба обрубленном хвосте «мессершмитта» сидела старая ворона. Она беспокойно оглядывала это «авиационное кладбище» и, видимо, не найдя, чем поживиться, вдруг громко каркнула, шумно взмахнула крыльями и улетела прочь.

В полукилометре, на склоне крайней сопки, виднелось небольшое село. Более половины его домов сгорело, и

лишь чёрные, обуглившиеся остовы крупных кирпичных строений да уныло глядевшие в небо высокие трубы говорили, что здесь когда-то, до войны, было крупное колхозное хозяйство. Теперь в уцелевших домах располагались гитлеровцы, жители были выселены в соседнюю деревушку.

Вокруг лётного поля, вплитык к лесу, на расстоянии ста – ста пятидесяти метров друг от друга, стояли «мессершмитты», одномоторные «юнкерсы» – «лаптёжники», как называли их наши лётчики за неубирающиеся шасси, несколько «фокке-вульфов» и два «хейнкеля». Возле них сутились техники и мотористы. Они грели моторы, заливали в баки горючее, заряжали пулемёты и пушки. По аэродрому, взметая снег, сновали машины, слышался рёв запускаемых моторов. Самолёты, словно огромные чёрные жуки, выползали из капониров, спешили на старт и, высоко задрав хвосты, уходили в небо.

Анохин, пробравшись на аэродром со стороны реки, где не было ограждения из колючей проволоки, скрывааемый деревьями и кустарником, незаметно подполз к крайнему капониру и, затаив дыхание, принялся жадно следить за всем, что происходило на аэродроме. Место было как нельзя более подходящее. Отсюда, не опасаясь, что его могут заметить, он видел как на ладони всё лётное поле с его стоянками и службами. Тёплый меховой комбинезон и собачьи унты надёжно защищали лётчика от холода, и он, не сомневаясь в благополучном исходе задуманного, стал терпеливо ждать удобного случая. Правда, нестерпимый голод, этот страшный враг, которого больше всего боялся Анохин, давал о себе знать. Но съесть оставшуюся плитку шоколада он не решался.

Самолётов на аэродроме осталось мало: почти все были в воздухе. Возле нескольких из оставшихся копошились механики, видимо, устраняли неисправности и повреждения, полученные накануне. На опустевших стоянках

в грязно-зелёных шинелях неторопливо расхаживали часовые. Обслуживающий персонал, едва проводив машины в воздух, бежал отогреться в шалаши и землянки.

Вскоре над аэродромом появилась группа «юнкерсов». Их сопровождала пятёрка «мессершмиттов». Не делая обычной «коробочки» – полёта по кругу – трое из них с ходу пошли на посадку. У одного «мессершмитта» не выpusкалось шасси, выйдя из гнёзд, оно застряло на половине. Анохин догадался: видимо, фашистов здорово потрепали в воздухе. Притом истребители, всегда летающие или в паре, или группой, но обязательно чётным числом, явно недосчитывали одного, если не трёх. Их было только пять.

«Досталось, верно, на орехи», – подумал Анохин.

Тем временем «мессершмитт» с неисправным шасси низко прошёл над аэродромом и, клюнув вниз носом, ударился о землю, потом подпрыгнул и, потеряв скорость, свалился на крыло. К разбитой машине подбежали техники и мотористы. Через некоторое время туда подошёл трактор и, прицепив самолёт, потащил его к черневшему на той стороне аэродрома «авиационному кладбищу».

– Туда и дорога, – сквозь зубы процедил Анохин, – одним шакалом меньше.

Остальные машины, заполняя воздух прерывистым рёвом моторов, оставляя за собой целые облака снега, расползались по стоянкам.

Капониры на аэродроме были больше, чем самолётов, часть из них пустовала, и техники, с тревогой поглядывая на небо, напрасно ожидали возвращения машин. В этот день, видимо, многим из них не суждено было вернуться. Где-то там, на востоке, за линией фронта, они бесславно догорали чёрными кострами.

Один «мессершмитт», севший последним, подрулил к капониру, возле которого притаился Анохин. Из кабины

вылез тучный, с бледным одутловатым лицом лётчик. Он наскоро отстегнул парашют и, что-то сказав подбежавшим техникам, зашагал на другой конец аэродрома, где находился штаб. Тем временем техники, проклиная погоду, то и дело оттирая побелевшие от мороза носы и щёки, принялись закатывать самолёт в капонир. Старший, в погонах фельдфебеля, поторапливал их.

«Значит, летать сегодня больше не будут», – догадался Анохин.

«Да-а, – уныло протянул он, выплюнув изо рта горькую сосновую кору, которой он тщетно пытался заглушить терзавший его голод. Для него стало ясно, что день был потерян. Он пришёл сюда слишком поздно. – Ну что ж, утро вечера мудренее, – успокоил он себя. – Подожду до завтра». И, продолжая следить за аэродромом и стоянками, он обдумывал, запоминал всё, что могло пригодиться. От его внимательного взгляда не ускользнуло и то, что охрана часто без всякого присмотра оставляла машины, уходила к соседним самолётам или просто погреться в землянку.

Наконец стоянка опустела.

Лётчики и техники, сделав послеполётный осмотр и подготовив самолёты к очередным вылетам, разошлись по землянкам. Остались одни часовые.

Анохин ещё раз внимательно осмотрелся вокруг и, с трудом разминая затёкшие от долгого лежания на снегу ноги, побрёл в сторону от аэродрома. Начало смеркаться. На небе появились первые звёзды.

Сделав большой крюк, лётчик забрался в самую гущу леса. Он устало опустился на сваленную кривую сосну. С того берега сквозь шум деревьев и посвистывание ветра доносились глухие раскаты артиллерийской канонады. Стреляли дальнобойные орудия. Анохин, полузакрыв глаза, нехотя прислушивался к этим тревожным раскатам. Мысли его беспорядочно путались в голове.

...Прошло долгих два дня. Сколько исхожено дорог, истоптано снега, а он

всё ещё здесь, в этом проклятом лесу, один, далеко от своих. Правда, в кармане оставалась ещё целая плитка шоколада, но надолго ли хватит её. А потеря сил – конец. Постепенно уверенность Анохина исчезла, она сменилась минутами сомнения, удручающего раздумья. В то утро, когда у него впервые возникла мысль захватить немецкий самолёт, она казалась вполне осуществимой. Придя же на аэродром, он убедился, что сделать это будет гораздо труднее. Допустим, ему удастся «снять» охрану, часовых, захватить самолёт. А дальше? Как запустить на морозе холодный мотор? Ведь это трудно, почти невозможно. Нет. Значит, нужно что-то другое.

Но что именно?

И вот над этим вопросом, терзаемый сомнениями и голодом, Анохин упорно ломал голову третью по счёту ночь.

6

В полку Анохина не ждали. Из лётчиков, вернувшихся со штурмовки, никто не мог объяснить толком, при каких обстоятельствах его сбили. Предполагали, что он и стрелок могли выброситься на парашютах, потому что видели, как «пешка» дымилась. А что было дальше – никто не знал.

– Погибли, – говорили одни.

Но те, кто близко знал Анохина, в это не верили.

– Жив. Не такой Анохин парень, чтоб погибнуть. И друга он в беде не бросит. Придёт, – стояли они на своём.

В этот день на аэродроме было необычайно шумно. Накануне из штаба воздушной армии пришёл приказ – всем полком вылететь на штурмовку. Цель – Буян-озеро, тот самый аэродром, возле которого, голодный и усталый, одиноко бродил Анохин.

На стоянках ревели моторы, сновали автомашины, стартеры, бензоправщики, от самолёта к самолёту бегали техники, оружейники, мотористы.

Начинался боевой будничный день.

Толстощёкий крепыш Федя Ищенко, механик Анохина, теперь «безлошадный», как называли в таких случаях оставшихся без машин и экипажей, помогал техникам третьей эскадрильи готовить самолёты к боевым вылетам.

Эскадрилья занимала северо-западную окраину аэродрома. В километре от неё, на пригорке, располагались зенитные батареи. Их разделял крутой, глубокий овраг, уходивший к небольшому, похожему на лошадиную голову, озеру. Вдоль оврага тянулся густой тёмный лес. Слежавшиеся комья снега сдавили его, приплюснули, и от этого он казался печальным, угрюмым, и только там, где лесная полоса огибала стоянку, красовались, словно родные братья, высокие, стройные тополя-великаны. Под их густыми заснеженными ветвями в удобном капони́ре стоял самолёт командира эскадрильи, вправо и влево от него, по опушке леса, по звеньям – остальные.

Яркие лучи восходящего солнца серебрили огромные крылья «ильюшинных», этих «летающих танков», играли на стёклах приборов, колпаков кабин, заливали ослепительным блеском холмы и сопки. Грозно и неподвижно глядели стволы пулемётов и пушек, от прогретых моторов шёл пар, пахло бензином. Возле землянки оружейников, куда обычно собирались на перекур, мотористы загружали автомашину бомбами и боеприпасами. Они оживлённо переговаривались между собой, шутили. Лётчики и воздушные стрелки, уже получив задание и ожидая сигнала к вылету, находились тут же, у самолётов. Они помогали техникам подвешивать бомбы, проверять вооружение, приборы, оборудование.

Глядя на них, на этих расторопных, задорных ребят, на эти по-деловому возбуждённые лица, как-то не верилось, что вот сейчас, всего через несколько минут, они уйдут туда, за линию фронта, на запад, навстречу опасности и смерти. Говор и шутки не смолкали по-прежнему.

Один лишь Ищенко был угрюм и невесел.

«Вот бы Анохина сюда», – размышлял он, не обращая внимания на чей-то забавный рассказ, то и дело прерываемый дружными взрывами хохота.

– И где-то он теперь? Неужели погиб? Э-эх, пропал парень...

Ищенко и не заметил, что последние слова произнёс вслух.

– Ты чего это вздыхаешь? – повернулся к нему техник звена Ваня Афанасьев.

Высокий, сутулый, в коротком полушубке и валенках, он казался вдвое выше Ищенко. Вот он степенно отёр со лба пот, отставил в сторону ящик с инструментом и, покачиваясь из стороны в сторону, подошёл к приятелю.

– Ты чего это? А? Да ещё перед вылетом, – с укоризной заметил он Ищенко и покачал головой.

– Да так, – отмахнулся тот и, помолчав, добавил с грустью – Командир-то, говорю, погиб, наверно...

– Не вернулся – это не значит, что погиб, – солидно возразил ему Афанасьев. – Почему ты думаешь, что он не вернётся? Вон в тридцать пятом полку Алексей Печников на шестые сутки вышел. А тут три дня – ерунда.

– Нет, нет, не говори, Ваня, – не унимался Ищенко, а сам пытливо поглядывал на него своими раскосыми глазами.

– Точно тебе говорю, – убеждённо продолжал Афанасьев. – Таких случаев у нас немало. Вот, взять, к примеру, Софронова, Иванцова, да всех и не упомянешь. А Анохин ведь любому из них сто очков вперёд даст.

– Это-то верно, да вот только...

Ищенко и сам не верил в гибель Анохина, но он нарочно вызвал приятеля на такой разговор. Ему нравилось, когда возражали.

«Значит, не я один так думаю. Не я один!..» Но стоило лишь кому-нибудь согласиться, что его лётчик и стрелок погибли, как Ищенко резко обрывал не в меру сочувствующего:

– Погибли! А ты откуда знаешь? Пророк нашёлся! Вернутся они! Живы!

Вот и сейчас ему было приятно, что Афанасьев спорил с ним, и он мало-помалу успокоился.

В это время к самолёту подошёл командир эскадрильи.

– Ну как, товарищи, готовы? – обратился он к техникам. – Через десять минут вылет.

– Всё в порядке, товарищ майор! – ответил Афанасьев. – Не задержим.

– А помнишь, Ваня, – вдруг снова заговорил Ищенко про Анохина. – Помнишь, когда он под Новый год с задания вернулся?

Афанасьев кивнул головой.

– Так вот, согласишься ли, живого места не было на самолёте... Подвинти. Ещё немного. Вот так. Хорошо... Пробоин пятьдесят, – продолжал Ищенко. – Приборы – вдребезги, фонарь – разбит, стабилизатор – как решето. «Где же это, – говорю я ему, – вас так угораздило?» – «В небушке, Федя, в небушке, – отвечает он и смеётся. – Тесновато, – говорит, – в воздухе было, вот и пришлось схватиться с фашистом». – «А как же, говорю, вы летели на такой машине? Ведь это не самолёт теперь, а одни дыры какие-то, телега. Теперь ведь ему только один путь – на свалку или в музей». – «Что ты, – говорит, – Федя? Зачем в музей? Матчасть работала исправно. Так и в формуляре запиши. Правда, кренит, заваливает слегка вправо, а так ничего, хорошо». Вот и поговори с ним после этого. А молодец! Отчаянный парень! – не без гордости закончил Ищенко.

– Что и говорить, – поддержал его Афанасьев. – Таких немного!

Вдруг в это время, едва не резанув винтом по верхушкам деревьев, над аэродромом внезапно появился самолёт. На его длинном худом теле зловеще чернели кресты и фашистская свастика. Мощный, пронзительный рёв мотора, казалось, хотел расколоть небо надвое.

– «Мессер»! – крикнули где-то рядом.

Бух! Бух-х! Трах-тах! – тотчас же ударили зенитки. А ещё через мгновение с командного пункта взвилась зелёная ракета. И не успела она погаснуть, как дружная пара «яков» рванулась с места и пошла на взлёт.

– Быстрее! Быстрее! – провожали их криками на стоянках. – Быстрее, а то уйдёт. Вишь, драпать начинает.

Но, к удивлению всех находившихся на аэродроме, «мессершмитт» и не думал удирать. Наоборот, сделав хитроумный противозенитный манёвр (которому мог бы позавидовать любой лётчик), он вдруг, выпустив шасси, смело пошёл на посадку.

На аэродроме ахнули от изумления. Действительно, творилось что-то необычное. И, словно по команде, техники и мотористы, сержанты и солдаты, все, кто находился поблизости, бросились к самолёту. А со стороны штаба и землянок туда же бежали новые и новые группы людей, на ходу щёлкая затворами винтовок, спешил стрелковый взвод охраны.

А «мессершмитт» впритирку, как говорят лётчики, мягко коснулся аэродрома, пробежал посадочную полосу, лихо развернулся и, как ни в чём не бывало, порулил к стоянке третьей эскадрильи, к тому самому капониру, в котором когда-то стоял штурмовик Анохина. Но капонир был занят. В нём уже по-хозяйски располагался связной «По-2».

«Мессершмитт» затормозил, остановился. Его тотчас же окружили со всех сторон.

Сдаваться прилетел, – взволнованно говорили одни.

– Не сдаваться, а заблудился, – горячо возражали другие. – Бензина-то в обрез, наверное.

– Сдаваться, – не унимались первые. – Крышка скоро Гитлеру, вот они и перекидываются к нам.

Но каково же было их удивление, когда из кабины показался худой и об-

росший, озорно улыбающийся лётчик и, махнув рукой на безобидно стоявшего в капонире «кукурузника», крикнул на чистом русском языке:

– А ну, братва, выкатывай эту посудину отсюда!

На какое-то мгновение толпа застыла в безмолвном оцепенении.

– Да это Анохин! – вдруг крикнул Ищенко.

– Анохин! Алексей! – прорвалось, грянуло по аэродрому, и не успел лётчик опомниться, как десятки сильных и крепких рук подхватили его.

7

Весть о том, что Анохин вернулся, да ещё таким необычным образом, быстро разнеслась по аэродрому, и вскоре не было ни одного человека, который бы не знал о случившемся. Правда, последовавший затем боевой вылет полка на время заслонил разговоры об этом, но, когда к полудню, изрядно потрепав противника, «девятки» штурмовиков, не потеряв ни одного экипажа, одна за другой стали касаться бетонки своего аэродрома, разговоры об Анохине возобновились снова.

А вечером, когда последний самолёт был зачехлён и на стоянках остались одни часовые, в землянку лётчиков третьей эскадрильи послушать отдохнувшего и отоспавшегося к тому времени Анохина собралось столько народу, что многим негде было присесть.

Анохин, расстегнув от жары почти все пуговицы на гимнастёрке (друзья постарались, натопили как в бане), сидел на потёртом футляре из-под баяна и неторопливо вёл рассказ. Лицо его было гладко выбрито. Похудевшее, оно, однако, не потеряло своей свежести. Большие глаза смотрели по-мальчишески просто, открыто, и в то же время в них чувствовалась какая-то далёкая, затаённая грусть.

Когда он заговорил о Казакове и его гибели, в землянке стало так тихо, что было слышно, как в лампе потрескивал фитиль, заставляя вздрагивать и колыхаться тусклое пламя «пятнадцатики».

Тяжёлая это была весть. Но ни один мускул не дрогнул на лицах собравшихся. Суровые и неподвижные, затаив дыхание, лётчики слушали своего товарища.

Алексей изредка останавливался, чтобы собраться с мыслями.

В печке уже давно прогорели дрова, немилосердно коптила лампа, но на это никто не обращал внимания. Рассказ Анохина глубоко взволновал собравшихся, и уж до печки ли было тут.

Вот у окна сидит лейтенант Николай Котов. Его сосед, Федя Ищенко, пребольно сдавил ему ногу, а он и не шевельнётся, глаз с Анохина не спускает, точно занимательную и страшную сказку слушает. Но лейтенант Котов знает, что это не сказка. Не раз побывавший в переплётах и переделках, из которых выходят только смелые и сильные духом, он знал, что такое подвиг, отвага, героизм.

Он знал и цену им.

А вот Бахметьев. Всегда весёлое, добродушное лицо его задумчиво и серьёзно. Из-под широких, мохнатых бровей, как угли, горят чёрные глаза; в них и грусть о погибшем сержанте, в них и гордость за подвиг товарища.

А за окном пронзительно завывает холодный порывистый ветер, глухо шумит лес. Изредка доносятся глухие раскаты одиночных артиллерийских выстрелов, к ним примешивается сухой треск ломаемых стужей деревьев.

— Последнюю ночь я не спал, — неторопливо продолжал Анохин, изредка останавливаясь, словно припоминая что-то. — Было так холодно, что я не мог заснуть. Перчатки мокрые, в унты снегу набилось — замёрз. Попробовал ходить — трудно. Снег — выше колен, еле ноги передвигаешь. Да и силы, думаю, беречь надо.

Бросил. Уткнулся лицом в воротник, кажется, теплее стало, и сижу. А надоевшей сосны шумят, жалобно так, словно живые.

Сижу, раздумываю: как быть, что делать? В конце концов, из всего вороха мыслей особенно врезалась мне такая: дай, думаю, подожгу мастерскую, которую я ещё днём возле стоянки заметил. Охрана бросится тушить, поднимется паника, а я тем временем в самолёт — и даёшь в свой полк. Кажется, неплохо. Обдумываю, взвешиваю всё, чтобы действовать только наверняка. Но вот подумал, поразмыслил... и не то. Ведь охрана могла и не уйти от самолётов: не наше дело, скажут, пусть тушат пожарники. А мне тогда что? Ведь по следам могли найти. Значит, нужно что-то другое.

И тут приходит мне в голову новый вариант. Как же, думаю, я раньше-то о нём не догадался. Вот чёрт!

Анохин заметно повеселел, тряхнул головой и заговорил быстрее:

— И решил я, братцы, так. Пробираюсь на аэродром. Ночь тёмная. Незаметно подкрадываюсь к часовому и убиваю его. Быстро переодеваюсь в немецкую форму, для безопасности это, на всякий случай, а часового — в снег, от глаз подальше. Из каптёрки (а я днём ещё заметил, что замка там нет) достаю лампу и подогреваю мотор. Пламя у неё тусклое, незаметное, да и кто подумает, что вместо часового здесь я, советский лётчик, орудую.

Подогрев мотор, расчехляю самолёт, колодки из-под колёс долой, по газам, — и поминай как звали. И до того я, ребята, прибодрился, что про мороз забыл. Ну, а раз, думаю, решил, значит, медлить нечего. И сразу же — за дело.

Встал и — к аэродрому. Снег, пни, валенки, а я вроде и не замечаю их. Иду, тороплюсь, даже жарко стало.

Пришёл ещё затемно. Прямо к капониру. Подполз ближе, смотрю: чёрт возьми, часовой не один. С ним ещё кто-то, видимо, приятели с соседнего поста. Курят, гады. Ну, думаю, опять загвоздка.

С тремя-то, пожалуй, и не справиться. Да и опасно. Но делать нечего, скриплю зубами, а лежу, жду. Прошло с полчаса, может, и больше, а немцы ни с места. Вскоре и светать стало. Тут и техники пришли, самолёты готовить к вылетам. Часовые, конечно, по землянкам, отогреваться, ну и мой курильщик тоже за ними. А я лежу. За капониrom, значит. Холодно, а пошевелиться нельзя. Самолёт почти рукой достаю, совсем рядом. Да только меня не видно. Сугробы, лес, кустарник – настоящая маскировка. Лежу, словно в укрытии каком. Да это, собственно, меня и не радовало. Ведь момента-то подходящего всё не было. Вместо часовых теперь двое техников у «мессершмитта»: долговязый один такой и с ним ефрейтор, моторист. А тут ещё вот-вот лётчик подойдёт. Опять трое будет.

Что ж, думаю, делать? Ждать? Ждать. Да больше для меня ничего и не оставалось. Авось, думаю, чего-нибудь и дождусь.

А техники самолёт расчехлили, мотор греют. И лётчик вскоре пришёл, тот самый, которого я вчера видел. Он на приветствие техников даже не ответил, а так буркнул что-то себе под нос и – прямо к лампе, руки греть.

На соседних стоянках уже моторы запустили, шум, рёв кругом. Смотрю, и мой технар в кабину полез, мотор опробовать. Закрутилась «палка», у меня даже под ложечкой засосало.

Слышу – хорошо работает, чисто, без перебоев.

«Ну, Алексей! – говорю себе. – Готовься».

Техник вылез из кабины и – к лётчику. А мотор работающим оставил, на малых оборотах. Лётчик парашют надел и хотел уже в самолёт садиться, да, видимо, вспомнил о чём-то. А я с него глаз не спускаю. Смотрю, он торопливо достал из планшета какой-то пакет и подождал ефрейтора. Тот козырнул и что есть духу пустился через аэродром – в штаб, наверно.

Ну, думаю, наконец-то!.. Лучше не будет. Самолёт в готовности, и гитлеровцев только двое. Самый подходящий момент.

Ну, Алексей!.. Д-давай!

Поднялся я и – к немцам. Иду, напористо иду. Они не видят. Что ж, думаю, тем лучше.

А у самого в душе такое творится, что и не выскажешь.

Сколько раз на штурмовку ходил, с «мессерами» дрался, а того не испытывал. Ведь враги-то передо мной не за бронёй самолёта, а с глаза на глаз, лицом к лицу. Эх!.. И закипело во мне. Вспомнил о Казакове – словно сил прибавилось. Ну, думаю, сейчас расквитаюсь.

Вдруг лётчик в мою сторону поглядел. Мой необычный вид (рваный комбинезон, подгоревшие унты) удивил его.

– Вер зинд зи? – настороженно спросил он.

– Разве не видишь? – подойдя вплотную, спокойно, но твёрдо сказал я. – Советский лётчик.

Ужас искажил лицо фашиста. Мне запомнились его глаза. Круглые, навывкате, они впились в пуговицу на моём комбинезоне. Там, на пуговице, он увидел звезду, нашу обычную пятиконечную звезду, и, конечно, сразу же поверил, что я действительно тот, за кого себя выдаю.

– О-о! Русс! – вскрикнул он тогда с каким-то необычайным злорадством и рванул к парабеллуму. Но его рука ещё и до кобуры не дошла, как я выстрелил ему в грудь. Он замертво рухнул в снег. Второй же немец (он в это время возле стабилизатора возился) как услышал выстрел, метнулся к нам. Видать, не сразу сообразил, что случилось. На стоянке ведь шумно. А потом, как разобрался, – на меня. Чего-то в руку схватил. Струбцинку, кажется. Да только ничего не вышло. Не успел он замахнуться, как я быстро отскочил в сторону и дал ему подножку. Он упал. Да так, что на животе чуть ли не полсто-

янки проехал. Я его тут же рукояткой по затылку. Он взвыл от боли. Я ещё разок, и он затих.

Ну, теперь, думаю, всё! В самолёт...

Сильным пинком я вышиб из-под колес «мессершмитта» тормозные колодки и – в кабину.

Анохин оживился, озорно блеснул глазами. Голос его прерывался.

– Вскочил в кабину, мать честная! Аж дух захватило. И верю и не верю. В самолёте ведь! Снова в самолёте! Готов от радости заплакать. Схватился за штурвал: руки дрожат, в висках стучит, в горле пересохло. «Ничего! Ничего!» – говорю себе и даю газ. Как зверь мой «мессер» вырвался из капонира.

Впереди аэродром, взлётная полоса – как на ладони. Вдруг где-то со стороны штаба одна за другой взлетели красные ракеты. Глянул вправо – немцы бегут, слева – автомашина наперерез мчится. Тревога!..

Ну нет! Теперь нас голыми руками не возьмёшь! И, как говорится, «газ по защёлку, опережение до ушей». Мой «мессер» вздрогнул, послушно ринулся вперёд. И замелькало всё: кусты, деревья, люди, землянки...

Что, взяли, гады? Э-э-х!.. И до того мне стало радостно, что я не выдержал и запел. Запел во всё горло. Мотор поёт, и я пою. Что есть мочи пою...

– А что пел? – облегчённо вздохнув, вдруг с улыбкой спросил Бахметьев.

– Нашу авиационную:

Там, где пехота не пройдёт,
Где бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползёт,
Там пролетит стальная птица.

– Ну-у! А когда к своему аэродрому подлетал, тоже пел? – не унимался повеселевший Бахметьев. – Под зенитками-то небо, чай, в овчинку показалось? А? – И он лукаво прищурился.

– А как же? Пел! Всё время пел! Ведь на батарее-то у меня командир приятель, земляк, – засмеялся Анохин. – Узнал по почерку! Да и я его повадки тоже знаю. Учёл...

* * *

Далеко за полночь расходились лётчики. Стихал ветер. Светлело небо. Цепляясь за верхушки деревьев, куда-то за сопки уползали рыхлые, хмурые облака. На стоянках перекликались часовые, изредка доносилось: «Стой, кто идёт?» – и опять всё смолкало. Где-то над лесом взлетали сигнальные ракеты. Рассыпаясь брызгами разноцветных огней, они медленно гасли в пространстве тёмной фронтовой ночи.

Через час-другой начнёт светать. Мощный рёв моторов разбудит тишину раннего утра. И тогда туда, в хмурое холодное небо, снова пойдут эскадрильи тяжёлых стальных птиц.

– Желаем удачи!.. – скажут им на аэродроме и долго, долго будут глядеть вслед, пока самолёты не скроются в туманной дымке далёкого горизонта.